

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Г. Шлее

ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРАНИЦ В ТЕОРИИ КОНФЛИКТА

Связи, пересекающие групповые границы (cross-cutting ties), по крайней мере в том смысле, в каком они рассматриваются в данной статье, всегда предполагают наличие групповой границы, которую они пересекают. Вторая компонента — собственно сама пересекающая границу связь — может быть различных видов. Это может быть диадическая родственная связь, скажем, отношения «дядя — племянник», супружеские узы или отношения свойства. Однако это может быть и другой тип групповой аффилиации, поскольку число групп, которые можно образовать, используя различные критерии группового членства и различные способы их формирования, практически бесконечно, а вероятность того, что две такие группы, выделенные на основании разных критериев, будут одинаковы, крайне мала. Таким образом, можно предположить, что границы групп пересекаются и что одни и те же люди могут быть членами разных групп.

Когда о пересекающих групповых границах связей говорят в контексте войн и набегов, то их рассматривают главным образом как факторы, противодействующие этим формам вражды. Связи, которыми, как в случае отношений свойства, люди связаны с представителями противостоящей этнической группы или клана, смягчают конфликт между группами или, по крайней мере, регулируют или контролируют проявление насилия. Человек, вероятнее всего, будет избегать того, чтобы нанести вред своим родственникам и, скорее всего, предоставит это другим членам своей группы. М. Боллиг следующим образом обобщает такие гипотезы: «Те, кто одновременно принадлежат двум группам, будут стараться, чтобы конфликты между ними не приводили к насилию. В случае конфликта обе стороны будут требовать от них проявления лояльности к себе, выходом из такой ситуации может быть только быстрое и ненасильственное разрешение конфликта» [1, р. 23]. Межгрупповые, т. е. пересекающие групповые границы связи, ведут к особо острому конфликту лояльностей в тех случаях, когда эти связи представляют особую ценность для деятелей.

Примером может послужить ситуация, когда кто-то берет жену из другой группы. Непохожесть и отдаленность групп, из которых произошли супруги, проявляется тем сильнее, чем шире границы экзогамных групп, независимо от того, идет ли речь о географических или генеалогических критериях. Подобную ситуацию можно выразить в виде утверждения: «те, с кем мы вступаем в брак, — это те, с кем мы воюем», — утверждения, которое Х. Ланг [2] положил

Шлее Гюнтер (Günter Schlee) — профессор факультета социологии Билефельдского университета, Германия.

Адрес: Universität Bielefeld, Fakultät für Soziologie, Postfach 10 01 31, D-33501 Bielefeld.

в основу своей диссертации, посвященной исследованию экзогамии и внутрисобных войн в обществах, не имеющих центральной власти.

Война между группами, члены которых связаны друг с другом узлами брака, не может быть объяснена тем, что супружество приводит к войне. Она объясняется факторами непрямой причинности: тех, с кем человек породнился, и тех, с кем он ведет войну, объединяет то, что они являются другими или далекими, и этот общий момент определения как раз и обуславливает высокую степень взаимного наложения двух категорий. Люди вступают в брак за пределами своей группы и за ее пределами они ведут войну. Вот то, что касается диадических связей, пересекающих групповые границы, и трудностей, которые могут возникать при их образовании.

Другим видом связей, пересекающих групповые границы, является тот, который, как мы уже отметили, включает два типа группового членства, пересекающих друг друга. Члены одной и той же однолинейной по своему происхождению группы могут быть рассеяны по различным локальным группировкам, враждебно настроенным по отношению друг к другу. Примером этого могут служить нуэры, исследованные Э. Эванс-Причардом [3]. М. Глакмен был одним из первых*, кто описал возможные последствия существования пересекающих групповые границы связей, состоящие в снижении напряженности межгрупповых отношений, и сделал это очень тщательно и последовательно. Он установил, открыто при этом признавая, что Эванс-Причард не дал этому обстоятельству никакого эмпирического обоснования, что в результате географической разбросанности любая из групп, вовлеченных в жестокие конфликты, осознает, что среди ее членов есть и те, кто «относится к мстителям» и оказывает на них давление, чтобы вступить в переговоры с другими группами [4, р. 11f]. Это хорошо согласуется с теорией Глакмена, которая является не теорией конфликта (конфликты происходят повсеместно, потому что существуют групповая дифференциация и конкуренция, например, за обладание властью, и это обстоятельство не требует особых объяснений), а теорией относительного мира: он хочет объяснить, почему насилие в большей степени ограничивают и регулируют, нежели ожидают или избегают. Он стремится объяснить, как он говорит, «сплоченность». На то обстоятельство, что эта позиция восходит к функционалистской традиции, делающей акцент на тех факторах, которые поддерживают общество и восстанавливают в нем равновесие, обычно не обращают внимание. Мы не будем обсуждать здесь достоинства и недостатки этой теории в целом. Вернемся к более частному вопросу — следствиям существования пересекающих границы связей в ситуациях конфликтов с применением насилия.

К. Холлпайк [5] описал то, что Глакмен [4, р. 12] тщетно искал в работе Эванс-Причарда [3]. Что происходит с людьми одной группы, оказавшимися по разные стороны баррикад, и как это отражается на развитии конфликта? Но то, что он обнаружил у тауаде, живущих в высокогорных районах Папуа—

* Сам М. Глакмен связывал свои идеи с работами поэта, драматурга и эссеиста Т. С. Элиота, который в 1949 г. писал: «Чем больше конфликтов и подозрительности, тем лучше: так все будут союзниками в одних отношениях и врагами в каких-то других, и ни один конфликт, зависть или страх не возобладает...» (цит. по: [4, р. 2]).

Новой Гвинеи, отличалось от того, что М. Глакмен утверждает в отношении нуэров. Он пришел к неожиданному выводу о том, что связи, пересекающие групповые границы, вообще не оказывают сдерживающего или контролирующего влияния на конфликт, напротив, они ведут к эскалации противостояния. Локальная дисперсия групп, принадлежащих одному роду, приводит к тому, что очень часто члены группы, совершившие какое-либо насилие по отношению к членам другой группы, живут в непосредственной близости от нее и тем самым являются легкой добычей для совершения мести. А поскольку один акт мести вызывает ответный, легко можно представить себе динамику развития событий, вызываемых наличием пересекающих групповые границы связей.

Даже это краткое обсуждение проблемы показывает, что существование данных связей обуславливает более чем один вариант мирного или основанного на применении силы развития отношений между группами. Пример, который я хочу здесь привести, позволяет нам сделать вывод о том, что связи, пересекающие групповые границы, могут также оказывать влияние на внутригрупповые отношения. Способствуя укреплению солидарности с сегментами других групп, они могут нанести ущерб отношениям с другими сегментами собственной группы. Это обстоятельство вновь заставляет усомниться, оказывает ли существование пересекающих групповые границы связей влияние на уменьшение вражды между этническими группами.

Данная статья рассказывает о племени габбра, проживающем в районе кенийско-эфиопской границы, при этом его основная часть живет (точнее, проводит большую часть времени, ведя кочевой образ жизни) в Кении, и об их противниках, рендилле — племени кочевников на верблюдах, живущих в низинах северной Кении. Описанные события произошли в северной Кении, но их нельзя понять, не учитывая их связи с событиями в Эфиопии.

«Сидам» — так обобщенно называют эфиопских воинов — играют значительную роль в устной истории благодаря набегам, которые они совершали в этой области в период правления Менелика*. Наряду с очевидной целью личного обогащения участников, набеги преследовали цель демонстрации их присутствия и притязаний в «схватке за Африку» до тех пор, пока граница между Британской и Эфиопской империями не была установлена при деятельном участии Зафино — британского агента по демаркации границы, грека по происхождению, чья фигура занимает значительное место в устной традиции. Со времени своего установления граница стала играть большую роль в жизни людей по обе ее стороны: народ гарре многократно пересекал границу, чтобы избежать налогов со стороны британских властей, в социалистический период из Эфиопии через границу контрабандой перегоняли крупный рогатый скот, чтобы уйти от системы контролируемых цен, за контрабандистами следовали дезертиры, покидавшие зону войны в Эритрее, к ним присоединялись противники режима Менгисту Хайле Мариама. В 1991 г. те, кто был причиной первых волн беженцев, сами оказались беженцами и присоединились к своим жертвам в Кении. Во все эти периоды налетчики пользовались границей, чтобы укрыть по другую ее сторону свои трофеи.

* Император Эфиопии в 1889—1919 гг. — прим. переводчика.

То, что набеги с целью захвата верблюдов и убийства в отношениях между габбра и рендилле имеют многовековую историю и следуют привычным образцам, легко доказывают колониальные архивы, устная история и тексты древних военных песен. Конфликта, о котором пойдет речь, возможно, не было бы, не будь того огромного потока современного оружия, который наводнил соседнюю Эфиопию во время падения режима Менгисту. Это становится очевидным, если взглянуть на другие конфликты. По всей Северо-Восточной провинции Кении, в северной части Восточной провинции, включающей район Марсабита, и далее, до Западной Кении и Уганды, бандитизм и мелкие войны распространились после свержения Менгисту столь быстро, что весьма трудно отрицать причинную связь этих событий.

Может возникнуть вопрос: каким образом количество оружия в состоянии влиять на причины и ход конфликта, как это было в Эфиопии в период гражданской войны — войны, в результате которой габбра и рендилле получили большую часть своего оружия, или в случае огаденской войны 1978 г., ради которой развернулась гонка вооружений в регионе Африканского Рога? Очевидно, что Эфиопия и Сомали были вооружены соперничающими сверхдержавами до такой степени, что после падения правящих режимов этих стран и широкого распространения оружия реальное разоружение местного населения едва ли оказалось возможным*. Необходимо также иметь в виду и тот факт, что в Африке до сих пор имеется оружие, оставшееся со времен первой мировой войны, и не похоже, чтобы оно скоро вышло из обращения.

Габбра, живущие на самом юге Эфиопии и на севере Кении к востоку от озера Туркана, а также чуть южнее рендилле, являются пастухами-кочевниками, у которых самым ценным животным считается верблюд. Однако племена резко отличаются по языку. Рендилле говорят на языке, схожем с сомалийским, тогда как габбра говорят на боранском диалекте оромо. Хотя оба языка принадлежат к одной ветви восточно-кушитской группы языков, они отличаются настолько, что говорящие на них не понимают друг друга. Достижение взаимопонимания возможно только на основе двуязычия. Покрой одежды, форма домов и поселений указывают на очевидные этнические различия габбра и рендилле. Хотя эти различия не являются причиной постоянной вражды, два народа вели периодические или, по крайней мере, время от времени возобновляемые войны. Когда возрастной класс рендилле *илкичили* занимал с 1965 по 1979 г. ступень воинов, отношения племен постоянно были плохими. Около трехсот воинов этого класса носили ожерелья из белых бусин, которые символизировали то, что они убили габбра. Однако число их жертв, по-видимому, было больше трехсот, потому что многие, без сомнения, убили не одного мужчину-габбра. Женщин также убивали, но убийство женщины не давало права носить отличительный знак. С другой стороны, габбра, вероятно, убили столько же рендилле, и это позволяет нам говорить о том, что потери этих народов, численность каждого из которых составляла всего около 20 тыс. человек, были достаточно велики. Габбра, живущие по обеим сторонам эфиопской границы, имели более легкий доступ к огнестрельному оружию, но ночные атаки рен-

* Цифры и источники, подтверждающие эту точку зрения, см.: [6].

дилле, использовавших в условиях ближнего боя превосходство копья и меча, были также очень опасны. Во время последней вспышки конфликта в 1992 г. у габбра, однако, было явное преимущество. Вследствие развала режима Менгисту в Эфиопии и массового бегства его сторонников и солдат в северную Кению хлынул поток автоматов и другого современного вооружения. И вновь габбра, благодаря близости к границе, смогли получить оружия больше, чем рендилле*.

Я не буду подробно описывать один из многих конфликтов местного значения в Африке, но проанализирую только один из его специфических аспектов — главным образом, последствия вооруженных набегов габбра на одну из групп рендилле, члены которой заявляют о своем габбрском происхождении и имеют постоянные связи с братьями по клану со стороны габбра. Тема моего анализа — отношение между связями, пересекающими групповые границы, набегами и войной**.

Пример, который я рассматриваю, — субклан элемо из рендилльского клана гаалдейлан, эквивалентный линиджу масса из фратрии галбо, относящейся к габбра. Еще до того как военные события вновь привлекли к ним мое внимание, я подробно описал эти клановые группы в книге «Идентичности в развитии» [8], которая связана исключительно с проблемами межэтнических клановых отношений***. Все действующие лица излагаемой ниже истории названы в ней по имени. История, если можно так выразиться, дописала мою книгу.

Подсчитывая поколения и возрастные классы, можно сказать, что это случилось примерно в конце XVII в., т. е. 300 лет назад, когда члены линиджа масса из племени габбра, как сообщает устная традиция, обосновались на Бургаабо — плоском холме с небольшим количеством деревьев, которые служили защитой среди широкой безлесой равнины Диид Галгалло. С ними было множество других габбра. Опасаясь набегов рендилле, большинство габбра вскоре покинули это место. Однако одна семья вынуждена была остаться, так как самки верблюдов только что принесли потомство и не могли двигаться дальше. Верблюды этой семьи были белыми, как и большинство верблюдов фратрии галбо племени габбра, которые использовали только белых самцов-производителей. До сих пор существует выражение, воспроизводящее ту ситуацию: «Гаал дакхан Бургаабо огооге» — «белые верблюды покрыли Бургаабо». Когда воины племени рендилле из клана гаалдейлан наконец пришли, они обнаружили беззащитную семью с большим стадом, и им даже не пришлось сражаться. Они увели всех — и людей, и животных.

* См. [1].

** О других аспектах недавнего конфликта внутри и вокруг Эфиопии см.: [7].

*** Исследование, лежащее в основе книги и многих других публикаций, в том числе и этой, было щедро профинансировано DFG (Немецкий исследовательский совет) с 1978 по 1980 г. (Schl/186-1). Более позднее исследование, проведенное в Кении и Эфиопии, было также профинансировано DFG посредством Байройт SFB 214, «Cultural Identity in Africa» (A3, A4, A6). Моя работа над «Kenya Range Management Handbook» и исследовательские затраты были поддержаны GTZ. Я выражаю благодарность всем этим организациям, а также моим коллегам, с которыми я имел возможность обсудить ранние версии этой статьи, — участникам Colloquium africanum в Кельне и Исследовательского коллоквиума Исследовательского центра по проблемам социологии развития в Билефельде.

Имя того человека из линиджа масса, которого взяли в плен вместе с людьми и животными, предположительно было Элимма, и его потомков в племени рендилле продолжали называть элемо. Но он, по всей видимости, не единственный прародитель этого субклана, потому что позже его младший брат последовал по пути своей семьи и присоединился к рендилле, так как он больше не мог жить среди габбра.

Собственность, конечно же, является социальным отношением. Это отношение между людьми по поводу вещей или животных. В привычном смысле, а также в том, как понимают это рендилле и габбра, собственность — это отношения между владельцем и тем, чем он владеет. Если отношения собственности между кланом-группой и племенем верблюдов проходят через поколения, то связь между ними становится все более тесной. Таким образом, у верблюдов тоже есть кланы. Стадо верблюдов отражает человеческое общество. Очевидное различие заключается в том, что племена верблюдов пополняются по материнской линии, а кланы рендилле и габбра — по линии отца.

Таким образом, в данном случае мы, для простоты, можем говорить о собственности как об отношениях между людьми и животными. В случае с элемо и люди и верблюды были вместе захвачены в качестве военной добычи и их отношения не были нарушены. Благодаря этому элемо до наших дней продолжают сохранять свою идентичность в качестве субклана гаалдейлана. Если бы были взяты только верблюды, то они стали бы полной собственностью победителей и передали бы свою породу следующим поколениям. Если бы были взяты только люди, то их идентичность рано или поздно растворилась бы в клане захватчиков. В данном же случае была захвачена межвидовая пара — люди и верблюды. До настоящего времени элемо, живущие среди рендилле, сохранили свою собственную породу верблюдов, отличающуюся от пород других субкланов гаалдейлана и идентичную породе из клана масса племени габбра*. Среди их верблюдов белый цвет также продолжает доминировать, отличая их от красных верблюдов гаалорра — самого большого субклана гаалдейлана.

Самый большой субклан гаалорра, который часто называют просто гаалдейлан, заметно отличается от других кланов рендилле. Причина может быть в том, что гораздо раньше они сами были не рендилльского происхождения. Устная традиция указывает на дассанеч и арборе, живущих на северной оконечности озера Туркана, а также на саббо — брачную половину племени боран, которые сами, скорее всего, являются сочетанием разнородных элементов. Прически замужних женщин, бисерные украшения девочек, система запретов, проклятия и благословения, свойственные этому клану, элементы конструкции домов и другие черты отличаются от обычной картины клана рендилле. Элемо не восприняли эти характеристики. Они не ассимилировались, а обособились в отдельную единицу. Разумеется, им не позволили продолжать быть габбра и носить среди рендилле отличительные знаки вражеской группы. Они должны были приспособиться, но вместо того, чтобы вобрать в себя типичные культурные элементы гаалдейлана, они ассимилировали то, что считалось типично рен-

* Изображение этих пород и другие этнографические детали, например генеалогии, см. в полной версии этой статьи: [6].

дилльским, восприняв так называемую стандартную среднюю культуру рендилле, если такая вообще существует.

Теперь новые рендилле женились на рендилльских женщинах, и так продолжалось в течение восьми поколений. Если бы можно было отметить гены тех, кто говорил на языке оромо в 1700 г., и затем посчитать, сколько из них перешло от говорящих на рендилле, то можно было бы увидеть, что лишь одна часть из 256 происходит от габбра. Разумеется, важен тот самый предок в восьмом поколении, от которого и ведется патрилинейное происхождение. Поэтому даже в небольших спорах элемо называют «боранто» — термин, который относится и к габбра и к боран из-за их общего языка и носит уничижительный оттенок, который не может быть оставлен без внимания в подобных ситуациях.

В 1992 г. были очень необычные дожди*. Начиная с июня, т. е. в разгар засухи, шли сильные дожди. С другой стороны, во время краткого сезона дождей было сухо. Напротив, в декабре 1992 — январе 1993 г. снова пошли обильные дожди, достигавшие в Бубисе 100 миллиметров в сутки. Верблюды рендилльского субклана элемо, которые вместе с другими стадами верблюдов клана гаалдейлан периодически паслись на северных пастбищах, были в июне захвачены габбра, принадлежавшими, как утверждают, к фратриям алаганна и гаар. В то время как другие кланы со своими стадами спасались бегством от набегов, уходя на юг, по направлению к Карги, ближе к центру области рендилле, стада элемо и двух других субкланов рендилле нашли убежище в Бубисе, небольшом поселке на территории габбра. Масса, находящиеся в Бубисе**, т. е. братья по клану рендилльского субклана элемо, вместе с главой Бубисы с трудом защищали скот от грабежа. Загоны были поставлены довольно близко к поселку, ночью находились под охраной. Из-за сильных дождей поля вокруг зазеленели, и скот мог пастись неподалеку от лагеря. За рендилле боялись, даже если они отходили от лагеря по нужде. С пастухами и стадами двух других субкланов рендилле обращались так же, как и с элемо. Поскольку все они теперь находились под защитой жителей Бубисы, масса не могли сказать: «это наши, а это не наши». Наконец, возможно в октябре, назначенный правительством глава рендилле в Карги организовал перемещение скота остальных рендилле под охраной резервных частей полиции Кении назад в Карги. Элемо отказались идти с ними. Когда остались только животные элемо, все они были распределены по разным стадам, принадлежащим масса, и затем отправлены в лагерь-спутники с тем, чтобы невозможно было определить их былую принадлежность к рендилле и увести.

Тем не менее около 70 голов скота было украдено из стада одного из элемо, Хаандоонто, причем воры — 3 человека из Майконы (50 км к западу от Бубисы) — принадлежали к фратриям габбра одоола и галбо. Масса этого так не оставили, и им удалось вернуть животных. В качестве наказания каждый из

* В отношении недавних событий — я должен поблагодарить тех, чьи рассказы помогли мне реконструировать их, в особенности Конкоро Мамо, Баарова Адичарех, Хассан Т. Муса, Элимма Элемо, Фарре Элемо. Источники более ранних событий детально описаны в [8].

** Информация об этих событиях была получена в начале 1993 г. в Корре, т. е. от рендилле. Точка зрения масса на эти события была выражена членом этого субклана габбра, моим давним знакомым Конкоро Мамо, навестившим меня там.

трех воров должен был отдать, в дополнение к украденным животным, 85 голов, так что Хаандоонто оказался достаточно обеспеченным. Одному вору, чтобы выплатить штраф, надо было отдать всех животных, поэтому Хаандоонто милостиво отказался принять часть животных. Оставшиеся габбра начали упрекать людей масса, что они заботятся о своих братьях по клану рендилле больше, чем об остальных габбра.

Все это время элемо старались организовать перевоз своих домов и оставшихся в Карги членов семей, чтобы полностью эмигрировать от рендилле к габбра. Несмотря на возражения представителей власти рендилле в Карги, большая часть субклана элемо, восходящего к габбра, но вместе со своими верблюдами 300 лет назад захваченного рендилле, с возвращением верблюдов последовали за ними и, таким образом, воссоединились с габбра.

Однажды несколько людей масса наняли старый грузовик помощника главы Бубисы, чтобы перевезти оставшихся членов семей элемо из Карги в Бубису. Когда они прибыли в Карги, то Хаандоонто, который их сопровождал, хотел угостить их чаем, а также заколоть несколько голов скота, которых он специально для этого получил от Рендилле. Но перед едой габбра хотели посмотреть на торговый центр Карги. Вокруг них собралась толпа, и помощник главы Карги Вамбиле приказал им немедленно покинуть город, несмотря на наступление ночи и неисправность фар грузовика. «Идите и провалитесь в Гооф Чоба (кратер около Марсабита)! Если бы вы пришли из Майконы, мы бы вас убили, но так как вы из Бубисы, мы отпускаем вас. Убирайтесь немедленно! Сначала габбра захватили наших верблюдов, а теперь они вернулись за нашими людьми!».

Хаандоото был очень обижен; он до сих пор не простил жителям Карги, что они не дали ему возможности проявить гостеприимство.

В течение последующих недель жены тех из элемо, которые теперь жили среди габбра, постоянно приходили из области рендилле в Бубису за деньгами, вырученными от продажи скота. Некоторые из них остались с мужьями, некоторые вернулись в свои семьи к Рендилле. Кроме того, было очень много разговоров по поводу того, как и когда мальчики элемо смогут вернуться к рендилле, чтобы над ними было совершено обрезание. Так как у них всех брат матери был рендилле и так как именно брат матери дарит верблюдов племянникам по случаю обрезания, то лучше всего было совершить этот ритуал среди рендилле.

В марте 1993 г. местный сомалийский торговец и член Окружного совета графства приехал из районной столицы Марсабита в Корр в область рендилле и привез с собой Элимма Элемо, моего хорошего знакомого, который теперь живет с габбра. Элимма вынужден был вернуться из Бубисы в связи со смертью своего отца, так как он должен был побрить своих младших братьев в знак окончания траура. Он собирался сделать это в безлунный период следующего месяца, фурама. Элимма рассказал мне, что незадолго до этого, чтобы смягчить горечь утраты, галбо дали ему четырех верблюдов.

Затем он рассказал, что среди тех, кто устроил набег на верблюдов клана гаалдейлан, были представители фратрии галбо, принадлежащей габбра (куда входили и масса). Абудо Гуййо, *калуу* (священный глава) масса, настоял, что этих верблюдов необходимо считать украденными и вернуть прежним владельцам.

Такая интерпретация, которая, казалось, удовлетворяла также и члена Окружного совета, основана на том, что во время набега никто из рендилле не был убит. Если бы пролилась кровь, то верблюды стали бы рассматриваться как военная добыча и, таким образом, стали бы в полной мере собственностью габбра*. Рендилле уже не смогли бы принять их обратно, так как они стали бы *оод*, т. е. приносящими несчастье. Поскольку набег, без сомнения, был актом вооруженного насилия, интерпретация его как простой кражи несколько искусственна. Однако возможно, что это приведет к политическому разрешению конфликта.

Как бы то ни было, Абудо Гуйо угрожал тем галбо, в чьей собственности находятся эти верблюды, что он отнимет у них ритуальный головной убор высшего возрастного класса, *дабела*, который он дарует старейшинам.

Некоторые элемо твердо решили остаться с рендилле. Так, братья из двух семейств оказались разделенными между габбра и рендилле. Я нечаянно услышал, как один из них говорил кому-то, что эмиграция части элемо вызвана презрительной кличкой «боранто», которую до сих пор употребляют рендилле. Кроме того, расписание получения воды из колодца часто нарушалось, и элемо ничего не доставалось. Когда элемо получали воду, раздавались жалобы, например: «Почему это животным нахаган (еще один клан рендилле) не дали воды, а стадам элемо, этим боранто, позволили пить?».

Через 3 года, в начале 1996 г., через 21 год после моего первого знакомства с некоторыми героями этой истории, у меня наконец появилась возможность посетить поселок элемо в районе габбра около Бубисы.

В домах, представляющих собой полусферические покрытые циновками палатки, очаг по-прежнему был расположен в правой половине. «Правый», обозначающийся тем же словом, что и «север», определяется по отношению к человеку, который стоит лицом к двери внутри палатки. Так как дверь всегда указывает на запад, север всегда расположен справа от этого человека. У габбра, наоборот, домашний очаг расположен в левой половине. Один из старейшин элемо сообщает, что габбра просили их изменить место очага, но что до сих пор они отказывались это сделать. Конкоро Мамо, мой помощник и товарищ со стороны масса, клана габбра, эквивалентного элемо, проявляет большой оптимизм в отношении соглашения о переносе домашнего очага. Он утверждает, что планируется праздник, на котором предполагается отметить офи-

* Соответствующее правило говорит, что добытое копьем принадлежит копью, т.е. военная добыча принадлежит захватчику. Если бы рендилле увели этих верблюдов во время ответного набега, то они достались бы не их прежним владельцам, а наиболее удачливым воинам. Если бы габбра по доброй воле отдали верблюдов, то они все равно не стали бы собственностью рендилле, так как ни рендилле, ни габбра не знают передачи прав собственности на верблюдиц, кроме некоторых ритуальных контактов, например, в качестве награды убитшему врага, которую вручает брат матери. Рендилле могли бы принять верблюдов только как маал (т. е. заем), но на это они не соглашались. Существует поверье, что верблюды, неверно считающиеся собственностью, навлекают несчастье на стадо, в котором они находятся, или полностью уничтожают линидж, который неоправданно предъявляет на них права (см. [8, р. 130 ff.]). В противоположность этому, украденные вещи нужно возвращать. В этом и состоит преимущество интерпретации такого набега как простой кражи.

циальное присоединение элемо к габбра, и тогда элемо придется изменить место очага.

Другие элементы домашнего убранства габбра не являются столь значимыми для определения идентичности и поэтому были переняты как дополнительные удобства: так, например, внутренняя часть домов, а именно восточная половина, отделена перегородкой, затянутой тканью (*динка*), препятствующей взглядам входящих; стали использоваться кровати, возвышающиеся над полом (*сирре*). Ранее, как и у других рендилле, постель, представлявшую собой связанные полосками кожи стебли пальмовых листьев, просто расстилали на земле и покрывали шкурой для сна. Две коровьи шкуры, служащие дверью, согласно обычаю габбра, были заменены на полотняные простыни.

Но как же все-таки попали сюда дома? Усилия, направленные на организацию переезда, увенчались успехом, и на том же самом собрании, где было принято решение о переносе очага, габбра устроили денежный сбор. На эти деньги был нанят грузовик, чтобы перевезти дома и оставшихся в Карги членов семей переселенцев, так как это были только пастухи и люди, оказавшиеся в лагере во время набегов.

Не все женщины хотели переезжать: жена Елева (имя было изменено по понятным причинам) приехала, но без дома и вещей. Она устроила собрание в доме Конкоро из клана масса племени габбра, который закончил школу и был проповедником, братом-по-клану ее мужа, но принадлежал к другой этнической группе и к другому миру, — иными словами, был человеком, состоявшим в достаточно близких, но, с другой стороны, достаточно далеких отношениях, чтобы быть посредником. На этом собрании она объяснила, почему она не хотела переезжать в Бубису. Муж часто бил ее. Она знает, где среди рендилле искать убежище от побоев, здесь — нет. Поэтому она вернулась в Карги и заодно забрала из Бубисы обоих своих детей. Один из сыновей Елевы уже обрезан (ему позволили «перескочить» через один возрастной класс), он будет первым из братьев, кто женится и продолжит род. Он тоже живет в Карги. Елева, таким образом, в одиночестве присматривает за верблюдами. Так как у него нет больше детей, он периодически посылает деньги в Карги. У него нет другой семьи, кроме той, которая не хочет быть в его власти.

Кланы рендилле и габбра патрилинейны. Дети принадлежат группе мужа, а жена — нет, несмотря на нерасторжимость брака*. Женщины принадлежат своему клану и сохраняют с ним тесные связи, именно там они ищут защиты при возникновении семейных конфликтов.

Однако происходит не только потеря женщин, но и их приток. Вышеупомянутое разделение братьев произошло потому, что младший брат после смерти жены оставил старшего брата в Корре и переехал вместе с двумя маленькими детьми в Карги к другому брату. В результате волнений он оказался в Бубисе. Там он женился на девушке габбра из клана одоола, дочери бывшего помощника главы Бубисы. Через положенный срок она родила.

Независимо друг от друга двое старейшин элемо решили вернуться к рендилле в связи с обильными дождями в той области. Они интересуются состоя-

* О браке, выкупе за невесту, отцовстве, см.: [10, р. 56: левират] (усвоение системы запретов, принятых в клане мужа, женой: р. 138, отцовство: р. 141f), [9] (происхождение: 10).

нием пастбищ в Карги. Один из них объясняет, что они до сих пор ждут дальнейшего перераспределения скота, полученного от габбра, и надеются, что позже, когда габбра и рендилле снова смешаются, они поменяют стороны так быстро, что габбра не заметят. На вопрос, не уйдут ли жены из племени габбра обратно к своим при переселении, один из них объяснил, что те, у которых уже есть здесь дети, останутся. Кроме того, переход на другую сторону приведет к разлуке по крайней мере с одной из дочерей: габбра из фратрии одоола женился на дочери Ирбале, одного из элемо.

Если в классической социальной антропологии общества рассматривались как вселенные в себе и описанию подлежали в основном их центральные или типичные представители*, то после Барта [11] больше внимания стали уделять границам между обществами и их составными частями. Можно считать это запоздалым развитием. Где находится центр, если не определены границы? В чем классическая социальная антропология черпала уверенность, выбирая «типичные образцы»?

Уделяя должное внимание границам между обществами, этнология, как часто называют европейский вариант социальной антропологии, наконец оправдала свое название. «Этнические группы» и «этничность» проявляют себя именно на границах. В обществах, которые считают себя этнически однородными, нет оснований заниматься рассмотрением таких конструкций. Именно на границах утверждаются права и принадлежность к группе, развиваются лояльности, пересекающие эти границы, и меняются заключаемые союзы, причем во всех этих процессах «политики» даже больше, чем может пожелать ученый, и, возможно, больше, чем хотели бы люди, которых это прямо касается. Дополнительные методологические требования, например, знание лингва франка и, при возможности, более одного местного языка в полиэтнических контекстах, а также увеличение времени исследования и расширение территории, на которой оно проводится, несомненно, будут оправданы качеством полученных результатов.

Связи, пересекающие групповые границы, почти наверняка ускользнут от внимания тех исследований, которые изучают ту или иную группу посредством ее «типичных» представителей, но обязательно попадут в поле зрения тех, кто изучает границы и линии конфликта.

Эта статья посвящена пересекающим групповые границы связям в межэтнических конфликтах. Предположение, что эти связи смягчают конфликты и сдерживают насилие, столкнулось с контрпримером, изложенным выше. Связи между кланами габбра и рендилле не могли предотвратить конфликт между этими группами. На уровне этнических групп, таким образом, трудно определить пользу этих связей.

Однако на уровне кланов все выгоды и преимущества, которые возникают при таких связях, образуют более четкую картину. Принимающий клан может увеличить силу, включив в свой состав ищущих защиты людей, однако защита интересов новичков может вызвать враждебность членов этого клана. Межэтнические связи в данном случае ухудшают связи внутриэтнические.

* Такой взгляд ведет к возникновению эпистемологических проблем, связанных с «культурным релятивизмом», которых, однако, я не буду здесь касаться.

Дополнительная точка зрения на эту проблему, т. е. точка зрения принятых в группу новичков, показывает, что как раз они-то и являются победителями. Из-за недостатка вооружения (близости их противников к оружию, поступающему из конфликтных зон Африканского Рога) рендилле оказались в невыгодном положении и теряли верблюдов в таком количестве, что от них нельзя было ожидать никакой ощутимой компенсации при перераспределении верблюдов. Восстановление исторических отношений с этнической группой, во владении которой эти верблюды находились в тот момент, было более разумным шагом. Кочевники следуют за своими животными.

Из-за пугающих размеров проблемы беженцев в глобальном масштабе и особенно на Африканском континенте местные структуры, помогающие преодолеть последствия войн, вновь обнаружили интерес у исследователей. Эти структуры особенно важны там, где не действует огромный, медленно реагирующий и плохо информированный аппарат международных организаций помощи беженцам. По сравнению с последним эти структуры не создают новых форм зависимости, так как у принимающей социальной общности, не имеющей никакого бюджета, не остается другой возможности, кроме интеграции тех, кто, будучи в состоянии производить продукцию, просит помощи.

*Перевод с английского Д. В. Граборова,
Н. А. Ипатовой, Н. Г. Скворцова*

под редакцией А. В. Тавровского

Литература

1. Bollig M. Die Krieger der gelben Gewehre: Intra- und interethnische Konfliktaustragung in Afrika bei den Pokot Nordwestkenias // Koelner Ethnologische Studien 20. Muenster: Lit Verlag, 1992.
2. Lang H. Exogamie und interner Krieg in Gesellschaften ohne Zentralgewalt (1974): Kommissionsverlag Klaus Renner. Hohenschaeflarn, 1977.
3. Evans-Pritchard E. E. The Nuer. Oxford: Clarendon Press, 1940.
4. Gluckman M. Custom and conflict in Africa. Oxford: Basil Blackwell, 1966.
5. Hallpike C. R. Bloodshed and Vengeance in the Papuan Mountains: The generation of conflict in Tauade Society. London: Oxford University Press, 1977.
6. Schlee G. Cross cutting ties and interethnic conflict: the example of Gabbra, Oromo and Rendill // Ethiopia in broader perspective / Ed. by F. Katsuyoshi, E. Kurimoto, S. Masayoshi. Kyoto: Shokado Book Sellers, II, 1997. P. 577—596.
7. Schlee G., Shongolo A. A. Local war and its impact on ethnic and religious identification in southern Ethiopia // GeoJournal. 1995. Vol. 36. № 1. P. 7—17.
8. Schlee G. Identities on the move: clanship and pastoralism in nothern Kenya. Manchester University Press and New York: St. Martin's Press (Paperback Nairobi 1994: Gideon S. Were), 1989.
9. Schlee G. Das Glaubens- und Sozialsystem der Rendille: Kamelnomaden Nordkenias. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1979.
10. Spencer P. Nomads in alliance: Symbiosis and growth among the Rendille and Samburu of Kenya. London: Oxford University Press, 1973.
11. Barth F. Ethnic groups and boundaries. London: G. Allen & Unwin, 1969.